

Детектив в стиле Кован Дойла

Джон Мэтьюз

Смертельное
послание

Москва
2016

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
М97

John Matthews
LETTERS FROM A MURDERER

© John Matthews 2013

Оформление серии *А. Саукова, Ф. Барбьшева*

Иллюстрация на переплете *П. Трофимова*

Мэтьюз, Джон.

М97   Смертельное послание / Джон Мэтьюз ; [пер. с англ. Г. В. Сахацкого]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 480 с. — (Детектив в стиле Конан Дойла).

ISBN 978-5-699-76913-1

1891 год, Нью-Йорк. Джек Потрошитель, печально известный своими лондонскими злодеяниями и бесследно исчезнувший из Англии несколькими годами ранее, объявился на берегах Гудзона. Здесь он продолжил свое кровавое дело. На розыски преступника был брошен самый талантливый сыщик города Джозеф Ардженти. Он сразу понял, что без помощи своих английских коллег ему не обойтись, и по его просьбе в Штаты приехал знаменитый лондонский криминалист Финли Джеймсон. Вдвоем они открыли охоту на Потрошителя. Тем временем убийства шли одно за другим, а преступник буквально издевался над сыщиками, навязывая им свои правила игры. На теле каждой жертвы он оставлял загадочные метки, а после каждого нового убийства слал в газеты издевательские послания. Потрошитель абсолютно уверился в собственной неуловимости. Но у Ардженти и Джеймсона имелось свое мнение на этот счет...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Перевод на русский язык,
Сахацкий Г. В., 2014

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-76913-1

Предисловие

После серии убийств проституток в лондонском Ист-Энде в конце 1880-х годов человек, получивший впоследствии имя Джек Потрошитель, занял видное место в анналах истории преступлений в качестве самого знаменитого серийного убийцы всех времен.

Убийства Мэри Энн Николс, Энни Чэпмен, Элизабет Страйд, Кэтрин Эддоус и Мэри Джейн Келли, однозначно приписываемые Потрошителю и называемые «канонической пятеркой», произошли в период с августа по ноябрь 1888 года в лондонском районе Уайтчепел. Однако общее число «уайтчепелских убийств», произошедших в период с апреля 1888 года по февраль 1891 года, составляет десять, и исследователи как той, так и последующих эпох резко расходятся во мнениях по поводу того, кого из жертв остальных преступлений, которыми стали Эмма Смит, Марта Тэбрэм, Роуз Майлетт, Фрэнсис Коулс и Элис Маккензи, следует включать в список Потрошителя.

Последние убийства, с той или иной долей вероятности приписываемые Потрошителю, имели место в Нью-Йорке, и одно, совершенное при весьма схожих обстоятельствах, случилось в Новом Орлеане. Интересно, что все они произошли после того, как убийства в Лондоне прекратились, и поэтому привлекли пристальное внимание со стороны исследователей, которые вновь стали предпринимать попытки проникнуть в тайну Джека Потрошителя.

*Нью-Йорк
Ноябрь 1891 года*

Войдя в зал, Камилла первым делом нашла глазами бармена Делани.

Одного взгляда на него было достаточно, чтобы моментально оценить обстановку: если он с тревогой смотрел из стороны в сторону, это означало, что в баре присутствуют либо детективы из местного полицейского участка, либо агенты Пинкертон, либо владельцы отеля, а если его голова была опущена, это был знак, что в баре уже слишком много девушек. Если же он смотрел вверх, это значило, что, даже если ты нашла клиента, все спальни заняты. И только если он просто улыбался, Камилла Грин понимала, что ей можно остаться в баре.

Делани натянуто улыбнулся и, как только Камилла кивнула ему, давая понять, что все поняла, тут же отвернулся, чтобы обслужить посетителя. В баре было многолюдно и шумно — звуки стоявшего в дальнем углу фортепьяно были едва различимы на фоне нестройного хора голосов каменщиков, уличных торговцев, портовых грузчиков и матросов. Камилла увидела по меньшей мере шесть знакомых ей девушек. Вероятно, Делани решил, что для субботнего вечера, когда заведение переполнено, это не так уж много. Чем больше юбок с оборками, тем

дольше задерживаются мужчины и тем больше напитков они заказывают.

Но тут Камилла заметила, как одна из девушек поднимается по лестнице с клиентом. Бармен поднял глаза и пожал плечами. Размышляя, стоит ли здесь оставаться, женщина обвела взглядом зал в поисках потенциальных клиентов, которые могли бы заказать для нее выпивку, чтобы скоротать время, и не увидела никого, кто улыбнулся бы ей или хотя бы посмотрел на нее. «Эх, лет десять назад вы шею свернули бы, глаза на меня!» — подумала Камилла. В последнее время ей все больше приходилось работать на улице, где сумерки и тени помогали скрыть возраст.

После холодной улицы в баре было тепло и уютно, и женщина немного помедлила, прежде чем убраться оттуда. Ей никак нельзя было еще один вечер оставаться без работы — тем более в субботу. Уже в течение трех дней две ее крошки не видели ничего, кроме пшенной каши.

Она решила поработать немного на близлежащих улицах и, если ничего не выйдет, вернуться к тому времени мужчины будут пьянее и менее разборчивыми.

Но не успела женщина отойти на расстояние десяти ярдов от двери, как услышала его голос:

— Привет... Вы искали кого-нибудь?

Камилла обернулась. Она не видела и не слышала, чтобы кто-то последовал за ней. Перед ней стоял неприметный мужчина среднего роста с каштановыми волосами и аккуратно постриженными усами и бородой. В баре он не привлек ее внимания. Выглядел этот человек достаточно прилично. Вполне подходящая кандидатура.

— Возможно, сэ, — ответила ему Камилла. — А вы искали себе даму на вечер?

— Да... искал.

На мгновение он опустил глаза, будто устыдившись своего признания. Это ей понравилось.

— Вы не хотите вернуться? Мы могли бы подождать минут десять, пока освободится номер.

— Нет... По-моему, там слишком шумно.

Может быть, и так, подумала она. Но скорее всего, ему не хотелось, чтобы люди видели, как он поднимается в номер с девушкой. Камилла увидела, что он бросил взгляд в сторону переулка за ее спиной.

— Хорошо. Один доллар, — улыбнулась она и подождала, пока деньги окажутся у нее в руке, после чего добавила: — Не кусаться и не рвать на мне платье, иначе это будет стоить вдвое дороже.

Пройдя до середины переулка, Камилла прислонилась к стене дома и приподняла платье. В этот момент раздался какой-то шум. Она резко повернула голову и увидела, что из бара, громко разговаривая, вышли трое мужчин.

Клиент придвинулся ближе к ней, чтобы заслонить ее от нескромных взглядов. Он не смотрел в сторону мужчин, но, казалось, видел боковым зрением каждое их движение. Было заметно, как напряглось его тело. Женщина уже испугалась, что он передумает и попросит назад свои деньги. Однако голоса стихли, и незнакомец расслабился. Теперь вечернюю тишину нарушало лишь цоканье копыт запряженных в кебы лошадей на Кэтрин-стрит и гудки пароходов, доносившиеся из расположенных неподалеку доков.

— Ну, давайте, — сказала она, подняв платье и нижнюю юбку до пояса.

Нижнего белья на ней не было, и она привычно ждала, когда он проникнет в нее.

Однако проникновение оказалось гораздо более

глубоким, нежели Камилле доводилось испытывать когда-либо прежде, а снаружи она ощутила какую-то странную, теплую влагу.

У нее перехватило дыхание, когда он заглянул ей прямо в глаза.

— Не двигайся, — услышала женщина его голос. — Будет только хуже.

Она почувствовала, как он затрясся в процессе семяизвержения, и поняла, что внутри нее продвигается все дальше вглубь лезвие ножа. Железные пальцы сомкнулись на ее горле, подавив вырывавшийся наружу захлебывавшийся крик.

Добравшись до третьей колотой раны, патологоанатом Джекоб Брайс понял, что это отнюдь не рядовое уличное ограбление — самая распространенная причина убийств на подведомственной территории Четвертого округа.

Кровь, залившая грудь и живот женщины, свернулась и образовала толстую корку. Это свидетельствовало о том, что смерть наступила несколькими часами ранее. Брайсу пришлось использовать спирт для удаления засохшей крови, чтобы иметь возможность рассмотреть раны.

В соответствии с бытовавшей в больнице «Бельвю» практикой при вскрытии трупа должен был присутствовать один из детективов, осматривавших место преступления, — для предоставления патологоанатому необходимой информации. Джекоб взглянул на следователя, чье имя он не мог вспомнить, и увидел, что тот все еще находится в состоянии шока.

— Когда вы впервые увидели тело? — уточнил он.

— Хм, мы — я и мой коллега с Малберри-стрит — прибыли туда незадолго до полуночи.

— А в какое время оно было обнаружено?

Детектив сверился с записями в блокноте:

— За сорок минут до нашего прибытия ее нашла в переулке другая девушка из отеля «Риверуэй».

— В это время там обычно много людей?

— Да, еще довольно много.

Брайс кивнул с задумчивым видом. С момента убийства до момента обнаружения тела прошло самое большее полчаса, и два часа ушло на осмотр места преступления и перевозку тела в «Бельвию» на карете «Скорой помощи».

Глубокий разрез сбоку на шее женщины, пересекавший сонную артерию, сам по себе был нехарактерен для уличного ограбления. Он сочетался с множеством колотых ран — патологоанатом насчитал уже восемь. Из разреза на шее крови вытекло меньше, из чего следовало, что раны в области живота были причинены раньше.

Когда Джекоб нашел четырнадцатую рану, до него дошло, что он до сих пор не видел ничего подобного. В воздухе висела густая смесь запахов мертвого тела, карболовой кислоты и спирта. Молодой детектив следил за манипуляциями патологоанатома расширенными от ужаса глазами и прикрывал рукой рот — очевидно, испытывая приступ тошноты.

Брайс заметил маленькую букву «X» на левом плече женщины. Позже он сфотографирует ее. Будучи страстным приверженцем теории Вирхова¹, Джекоб приготовил несколько маркированных стеклянных сосудов для внутренних органов покойницы, которые следовало поместить в них после

---

¹ Рудольф Людвиг Карл Вирхов (1821—1902) — немецкий ученый, врач, патологоанатом, гистолог, физиолог; один из основоположников клеточной теории в биологии и медицине, основоположник теории клеточной патологии в медицине.

исследования и взвешивания. Однако вскоре выяснилось, что два сосуда останутся незаполненными. Он взглянул на детектива.

— Не были ли какие-нибудь части тела унесены с места преступления? Может быть, их упаковали и забрали куда-нибудь для исследования... или случайно оставили?

Следователь, явно заволновавшись, на секунду задумался.

— Нет. Я ничего такого не заметил, — сказал он наконец.

— Вы тщательно осмотрели место преступления? Ничего там не забыли?

— Да... да... Я уверен, все было сделано как положено.

«Может быть, печень и почки женщины съели либо утащили крысы или собаки?» — подумал Брайс. Маловероятно, что такое могло произойти всего за полчаса. Но за это время органы мог удалить и сам убийца. Да, Джекоб действительно еще не видел ничего подобного, хотя о чем-то похожем *слышал*.

Он бросил взгляд на настенные часы. До появления в офисе инспектора Маккласки, которому он должен был сообщить о происшествии, оставалось пять часов.

*Клуб Сент-Джеймс
Лондон*

— Да будет вам. У этого дарвиниста явно не все дома. — Виконт Линхерст взболтал бренди в стеклянной колбе и добавил: — Он наверняка произошел от обезьяны. Мы же стоим на более высокой ступени развития.

Имея перед собой столь образованную аудито-

рию в лице двух ведущих лондонских хирургов — сэра Томаса Колби и Эндрю Мэйтланда, — виконт счел необходимым высказать свое мнение на этот счет.

— Посмотрев на любого из моих слуг, этого не скажешь, — заметил Мэйтланд.

Линхерст рассмеялся, в то время как Колби сохранял серьезное выражение лица.

— Не знаю, не знаю. Ежедневно при проведении вскрытий я вижу одно и то же. Каждый орган находится на одном и том же месте — печень, желудок, селезенка, — как и каждая косточка, каждый сустав, вплоть до мизинца. — Томас поднял вверх свой мизинец. — И на вашем месте я не стал бы столь поспешно сбрасывать это со счетов.

— Непонятно, — Линхерст похлопал себя ладонью по лбу. — Вроде всё на месте. И Дарвин толком не объяснил, каким образом обезьяна могла...

Виконт замолчал, увидев, что к ним приближается клубный швейцар.

— Извиняюсь за вторжение, джентльмены, — поклонился он посетителям клуба. — Сэр Томас, срочный звонок.

Колби развернул сложенный вдвое лист бумаги, лежавший на серебряном подносе, и вздохнул:

— Прошу прощения, я отлучусь на минуту.

Он прошел вслед за швейцаром в вестибюль и взял телефонную трубку. Ответивший на другом конце провода комиссар полиции Грейлинг без лишних слов сразу перешел к делу:

— Еще один случай. — Последовало молчание. Грейлинг не знал, то ли это шок, то ли сэр Томас просто его не услышал. — Сходный с восемью предыдущими, — добавил он.

— Где? Опять в Уайтчепеле? — заговорил наконец хирург.

— Нет. Вы не поверите. За океаном, в Нью-Йорке.

Но Колби был не особенно удивлен. Поскольку последнее убийство произошло больше года назад, Потрошитель, похоже, либо попал в тюрьму, либо умер, либо уехал.

— Кто там занимается расследованием? — спросил Томас.

— Маккласки. — Понизив голос на октаву, комиссар добавил: — Но это не имеет значения, вам нужно отправляться туда как можно скорее.

— Понятно. Осмелюсь предположить, он вряд ли просил о моем приезде.

— Он не просил. Просил *я*. Ваш опыт в расследовании подобных преступлений бесценен. Вполне возможно, что это убийство, совершенное под копирку. Как вам известно, пресса уделила этим случаям значительно больше внимания, чем нам хотелось бы. Но если между ними действительно существует связь, то у нас в пассиве все еще восемь нераскрытых убийств.

Колби не нужно было напоминать об этом. Последние три года стали самым трудным периодом в его профессиональной жизни. Число убийств, приписываемых Потрошителю, варьировалось от пяти до одиннадцати, но, по мнению Томаса, между восемью из них существовала определенная связь. Никогда еще ни одно расследование не вызывало такого ажиотажа среди публики, чему в немалой степени способствовала газета «Флит-стрит», жаждавшая увеличения числа читателей.

— На теле опять оставлена метка, — сообщил Грейлинг. — Маленькая буква «X» на левом плече.

— И что?

— Может быть, это Потрошитель, а может быть, и нет. Мы не узнаем этого, пока не ознакомимся со всеми деталями.

— Понятно. — Колби вздохнул. — Дело в том, что через две недели у меня важный доклад в Королевском хирургическом колледже, и мне просто необходимо быть здесь в это время. Я смогу поехать только потом.

— Не уверен, что это дело может ждать так долго — не говоря уже о политических проблемах. Маккласки опять начнет разглагольствовать по поводу нашей некомпетентности. Вы не можете отложить свое выступление?

Хирург принялся перебирать в памяти мероприятия своего весьма насыщенного графика: церемония официального введения в должность сына в Королевской военной академии в Сандхерсте, приглашение на ужин с танцами от лорда и леди Нортбруков, куда он не мог не пойти, поскольку в противном случае навлек бы на себя гнев супруги...

— Боюсь, я не смогу поехать, — вздохнул он снова.

— Очень жаль. Мне придется сообщить Маккласки это печальное известие — или, с его точки зрения, скорее радостное. Он, вне всякого сомнения, обрадуется, узнав, что мы не будем принимать участия в расследовании и теперь у него будут все основания для разговоров о нашей некомпетентности...

— У меня есть предложение, — перебил комиссара Колби, которому внезапно пришла в голову новая мысль. — Один из моих студентов четыре месяца назад уехал в Нью-Йорк. Тяжело заболела его любимая тетка, заменившая ему мать. Он мог бы заняться этим делом вместо меня.

— А он достаточно компетентен?

— Более чем. Можно сказать, это мой главный протезе. Из всех моих студентов он один сумел идентифицировать ключевые связи в деле Потрошителя, и без всяких подсказок. Просто поразительно — как будто он знал этого человека лично!

— Понятно.

Сэр Томас услышал в голосе собеседника едва различимые нотки сомнения. Он предпочитал думать, что пятно, имевшееся на репутации его протезе, характеризует личную жизнь, а не компетентность молодого человека — и поэтому едва ли стоит упоминания.

— И, разумеется, я смогу предоставить ему дополнительную консультацию телеграммой или письмом из Лондона, — добавил он.

— Да... полагаю, такой вариант нас устроит, — сказал Грейлинг после паузы. — Но если до него в Лондоне дошли какие-либо слухи, скажите ему, чтобы он не делился ими с инспектором Маккласки, а то так можно все испортить. Кстати, как его имя?

— Джеймсон. Финли Джеймсон.

Нью-Йорк

Ноябрь 1891 года

— Мистер Джеймсон... Мистер Джеймсон!

Голос отразился слабым эхом, словно прозвучал в конце туннеля. Спустя мгновение Финли Джеймсон увидел перед собой морщинистое лицо китайца и осознал, где он находится. Вдыхая тяжелый запах опиума и благовоний, молодой человек некоторое время не мог понять, висит ли туман в воздухе или стоит у него перед глазами.

— Мистер Джеймсон... здесь Лоуренс. Говорит, у него срочное послание для вас. Впустить его?